

Вырезка из газеты АКМОЛСКОЕ ПРАВДА

Акмолинск

29 ЯНВ 1950

Акмолинск

Газета №

А. П. ЧЕХОВ

(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

«Работать приходилось в отвратительных условиях. Поздней ночью, закончив обработку очередных, только что записанных лекций, студент медицинского факультета Московского университета Антон Чехов принимался за литературную работу. Побаливала голова, грудь надрывал кашель—первый признак страшной и неизлечимой болезни, за тонкой перегородкой неумолчно кричал грудной ребенок и измызганная граммофонная пластинка равнодушно воспроизводила осточертевший голос «Василисы Прекрасной...».

Так началась литературная деятельность Антона Павловича Чехова. Изысканные, острые юморески Антоши Чехонте привлекали все более и более пристальное внимание широких читательских кругов и опытных видных литераторов. Один за другим Чехов пишет такие рассказы, как «Тоска», «Егерь», «Знаменье времени», «Унтер Пришибеев», «Хамелеон», «Смерть чиновника» и многие другие, характерные уже не только неистощимой выдумкой и свежестью, но и социально острой тематикой. Естественно, что в душной атмосфере тех лет подобная вольность не могла пройти безнаказанной и красный карандаш цензора безжалостно вмешивался в чеховские тексты, а то и просто перечеркивал их. Так, например, совершенно был запрещен «Унтер Пришибеев», этот бессмертный памятник царским держимордам.

Теплое дружеское письмо популярного писателя Д. Григоровича, высоко отозвавшегося о таланте Чехова, и выход в 1886 году сборника «Исторические рассказы», горячо встреченного читательской общественностью, положили начало выхода писателя на большую литературную арену. Началась полоса кипучей творческой деятельности, наполненной глубочайшим сознанием высокого призвания художника слова.

Размышляя о судьбах народа, Антон Павлович в одном из писем писал: «Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрого места не остается, бьет на манер тысячепудового камня». Иллюстрацией к этой горькой истине явились многие рассказы писателя, в которых он показал, как в условиях самодержавия неизбежно гибнут все лучшие светлые чувства, гибнут талантливые, одаренные люди. Так, на красивую мелочь разменивают свое вдохновение писатели («Писатель»), так продают свое искусство актеры («Актерская гильдия»), так, наконец, от незначительного нелепого случая ломается человеческая жизнь и все летит «к чорту верхники концом вниз» («Шампанское»).

Мастерски, по-чеховски неповторимо, зарисовав картины народного быта, ни разу не погрешив против правды, Чехов не мог, вместе с тем, не уловить чуткой, тонкой натурой гениального художника и того важного обстоятельства, что «серая скотская» жизнь не убивала в народе стремление к иной, счастливой жизни и очень показательно в этом отношении повесть «Степь»,

это одно из лучших творений Чехова, проникнутое глубокой и нежной любовью к родной природе, к народу.

«Место невыносимых страданий»,—так назвал Чехов Сахалин, поездке на который он придавал очень большое значение и к которой долго и тщательно готовился.

Сахалин, окраина страны, последнее пристанище каторжан... Говоря о них, Чехов писал: «Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждений, варварски, мы гоняли людей по холоду, в кандалах, десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых зрителей».

Летом 1890 года Антон Павлович прибыл на Сахалин. По самому складу своему чуждый пустой созерцательности, он занимается переписью местного населения, посещает тюрьмы, навещает поселенцев. В результа-

те за восемь месяцев путешествия у него собрался богатейший материал, который лег в основу книги «Остров Сахалин». Свообразная по жанру, вобравшая в себя многочисленные сведения, раздумья, скупые зарисовки и широкие художественные обобщения, книга отчетливо, сама по себе, привела к выводу о человеческих жизнях, изуродованных произволом царского самодержавия.

Прямым результатом путешествия на Сахалин явилось и то, что по-новому, широко взглянув на окружающую действительность, Чехов сумел увидеть, разглядеть в ней такие же сахалинские ужасы и нравы. Так появились его знаменитые «Палата № 6» и «Человек в футляре»,—произведения необычайно сильные своими обобщениями, знаменующие окончательный отказ Чехова от толстовских убеждений и систем.

«Палата № 6»—это суровый, беспощадный приговор самодержавию с его насилем, тупостью, смердящей жестокостью, в условиях которого здравомыслящий человек, понимающий жизнь и правильно ее оценивающий, неизбежно приходит к безумию. «Значит я идиот,—говорит Громов,—так как я страдаю, недоволен и удивляюсь человеческой тупости».

И что же,—больной человек, ежечасно истязаемый своим тупым палачем Никитой, Громов страстно верит: «Можете быть уверены... настанут лучшие времена! Воссияет заря новой жизни, восторжествует правда, и—на нашей улице будет праздник! Я не дожусь, издохну, но зато чьи-нибудь правнучки дождутся. Приветствую их от всей души и радуюсь, радуюсь за них!».

Тупому, ограниченному «Человеку в футляре», который в главный жизненный принцип возвел осторожное и гаденкое «как бы чего не вышло», Чехов противопоставляет жизнерадостного, чистого Коваленко, органически ненавидящего всяческую мертвячину. «Нет, больше жить так невозможно»,—говорит он и, безусловно, принципиальный этот вывод красной нитью проходит через всю благоуханную и неповторимую чеховскую прозу.

Огромный, неопределимый вклад внес Антон Павлович в драматургию,—его пьесы навсегда вошли в золотой фонд русского национального театра, и поныне не потеряв своей обаятельной чеховской свежести. Характерные своим мягким лиризмом, точностью и выразительностью трактовок, большой сценичностью, они, в одинаковой мере, знаменательны и социальной значимостью своих замыслов.

Путь драматургии Чехова—это путь от лукавых жизнерадостных водевилей «Медведь» и «Свадьба» до широко звучащих «Вишневого сада» и «Трех сестер», идущих от лучших традиций реалистической драма-

тургии Гоголя и Островского, обогащенных и преломленных в чеховском сознании и его творческой манере.

Олицетворяя гибель старого, загнившего, падает под ударами топора вишневый сад. Однако над расслабленными стопами и жалобами раневских и гаевых, кажется, такими понятными и естественными, звучит бодрый и звонкий голос молодости—Ани: «Мы насадим новый сад, роскошнее этого...» Такова идея «Вишневого сада», ставшего достоянием русской драматургии и, безусловно, сыгравшего огромную роль в призыве к свету, к солнцу, к новой, лучшей жизни!

Остро прозвучал с театральных подмостков и «Дядя Ваня»,—пьеса, показавшая, как гибли в существовавших социальных условиях талантливые, одухотворенные Астров и Соня, Войничский и Елена Андреевна и, вопреки логике и разуму, пышно цвели и преуспевали никчемные серебряковы, люди без сердца, души и убеждений. Таким же страстным проповедником добра и правды предстает Чехов-драматург и во всех других своих пьесах, гордо и страстно бичуя тупость, косность и жестокость окружающей жизни, ревниво оберегаемой хозяевами царской России.

Говоря о драматургии Чехова, невольно вспоминаешь слова одного из лучших советских артистов—И. М. Москвина:

«Чехов был для нас больше, гораздо больше, чем близким драматургом... Он участвовал в создании нашего мировоззрения. Он нес на сцену глубокое познание родной стороны, российских просторов, захолустных уездов, деревень и имений, познание целой эпохи, познание людей... Любовь к русским людям и веру в их прекрасное будущее».

Говоря о силе творчества А. П. Чехова, великий пролетарский писатель А. М. Горький писал: «Мимо этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадежной тоской на лице и в груди, красивым искренним голосом сказал: «Скверно вы живете, господа!». И люди, видевшие в его бессмертных творениях свою на самом деле скверную жизнь, горячо и страстно стремились к новой, светлой и радостной, которая всегда грезилась этому милому и доброму человеку. Человеку, который всю свою недолгую и яркую жизнь, подточенную жестокой болезнью, до конца отдал своему народу, своей Родине».

Вот почему в трудную годину войны с немецкими фашистами, говоря о величии русской культуры, в ряду ее блистательных имен, дорогих каждому советскому человеку, товарищ Сталин назвал и имя Антона Павловича Чехова.

М. КАМОВ.